

Николай Вардин

УБИЙЦА
ПАМЯТИ

18+

Николай Вардин

Убийца памяти

«Автор»

2026

Вардин Н.

Убийца памяти / Н. Вардин — «Автор», 2026

Бостон, 1948 год. Историк Артур Клайден находит дневник судового врача, побывавшего в городе, которого нет на картах. Описания не поддаются логике, даты не сходятся, но главное — сам факт записи. Клайден понимает: некоторые знания существуют не для того, чтобы их хранили. Они существуют, чтобы их уничтожали. Вопрос только в том, чем придётся заплатить за это понимание.

© Вардин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Николай Вардин

Убийца памяти

Пролог

Август 1948 года лежал над Бостоном, как благословение, — золотистый, ленивый, пропитанный запахом солёного бриза и недавно выкошенной травы на Бостон-Коммон. Сквозь высокое окно кабинета на Бикон-Хилл солнечные лучи падали на полированный дубовый стол, выписывая на его поверхности чёткие, геометрически безупречные прямоугольники света. За окном гудели трамваи, раздавались неторопливые голоса прохожих, где-то вдалеке звонил колокол церкви — всё было так, как должно быть в послевоенном мире, где разум вновь обретал своё царство над хаосом. И лишь в этом кабинете, среди аккуратных стопок книг и карт, среди пыльных фолиантов с золотым тиснением, царил холод. Не тот холод, что приносит ветер с Атлантики; не тот, что можно измерить термометром. Это был холод иного порядка — ледяное дыхание из-за границы реальности, проникающее не в плоть, а в само сознание, замораживающее мысль в её зародыше.

Артур П. Клайден сидел неподвижно, опустив руки на колени. Его пальцы, обычно такие живые, привыкшие к пергаменту и чернильным пятнам, теперь лежали мёртвыми, будто отрезанные от воли. Перед ним на столе лежал открытый свинцовый пенал. Из него торчал край потрёпанного дневника — той самой тетради, что была извлечена из трюма «Левиафана», судна, затонувшего более ста лет назад. Сами рукописи датировались временем ещё более ранним.

Он вспомнил последние строки врача — обрывок, застывший на бумаге, как крик, оборванный в горле: *«Я записал его. Я придал форму ужасу. Я уже...»* И в этой недосказанности таилась вся правда. Не в словах, не в описаниях башен или существа по имени Ур'Заллех. А в самом факте записи. В том, что человеческий разум, столкнувшись с необъяснимым, пытается укротить его словом, чертой на бумаге, системой. И именно этим он кормит то, что не должно иметь формы. Город питался не только лишь страхом как эмоцией — он питался вниманием. Каждая запись, каждый шёпот в темноте, каждый нацарапанный символ — всё это были нити, которыми он привязывал новый мир к своей паразитической сущности.

Клайден поднял взгляд на книжные полки. Сотни томов — труды Гиббона и Ранке, лекции первоисточников, дневники мореплавателей и миссионеров. Всю жизнь он верил: знание — это свет. Сохранение памяти — священный долг перед прошлым и будущим. Историк не имеет права уничтожать. Он лишь собирает, систематизирует, передаёт. Эта вера была его религией, его моральным компасом в мире, где всё остальное подвержено сомнению.

Но теперь, в этой тишине, пронизанной ледяным шёпотом, он понял ужасающую истину. Сохранение — это предательство.

Каждая буква, каждая страница, каждая уцелевшая строка о Хр'аллаксе — это не память. Это семя. И пока оно существует, Город будет расти в почве человеческого сознания, пока не прорастёт окончательно, пока не заменит реальность своей искажённой тенью. Чтобы спасти мир, нужно было предать забвению саму мысль о нём. Уничтожить его имя.

Мысль эта пришла не как откровение, не как борьба совести. Она возникла в его уме уже сформированной, безоговорочной, как закон природы. Сжечь. Уничтожить. Стереть. Для другого человека это было бы безумием. Для историка — ересью, хуже самоубийства. Но Клайден знал: он уже переступил ту черту, за которой лежит нормальность. Он знал имя Города. И этим уже открыл ему дверь.

Он встал. Движения его были точны, лишены колебаний. На каминной полке стояла тяжёлая бронзовая пепельница в форме глобуса — подарок коллег по университету десять лет назад. Он взял её, поставил на стол. Затем — коробок спичек. Руки не дрожали. В этом была новая, страшная свобода: безумие пришло не как хаос, а как абсолютная ясность. Цель, чистая и холодная, как лезвие.

Он вынул дневник из пенала. Кожаный переплёт был потрескавшимся, страницы пожелтели, но чернила врача 1792 года сохранились с пугающей чёткостью. Клайден не стал перечитывать. Он знал каждое слово наизусть — они уже врезались в его мозг, как резцом. Он открыл тетрадь на середине, разорвал несколько страниц, бросил в пепельницу. Потом — ещё. И ещё. Бумага податливо хрустела под его пальцами.

Спичка вспыхнула с тихим шипением. Пламя, жёлтое и обыденное, коснулось края листа. Буквы съёжились, почернели, превратились в пепел. Запах горячей бумаги наполнил комнату — знакомый, почти уютный. Но в нём Клайден уловил нечто иное: отдалённый, едва различимый аромат морской соли и гниющей плоти — запах того острова, о котором писал врач.

И тогда он услышал смех.

Не громкий, не злорадный. Тихий, почти интимный, будто шёпот на ухо. Смех, полный иронии и древней усталости. Он не шёл извне — он возник внутри черепа, между висков, как эхо собственной мысли, но чуждой, не принадлежащей ему.

Клайден резко обернулся.

Кабинет был пуст. Солнце по-прежнему лилось в окно. На полках — книги. На столе — догорающий пепел. Никого. Но смех не исчез. Он растворился в тишине, оставив после себя ледяной след — ощущение, что за ним наблюдают. Не враждебно. Скорее — с любопытством. С ожиданием.

Он снова посмотрел в пепельницу. Пламя почти погасло, оставив серые хлопья пепла, которые слегка шевелились от сквозняка — хотя окна были закрыты.

Это только начало, — понял он вдруг с леденящей ясностью. — *Этот дневник — лишь одна нить. Сколько их ещё? Сколько рук касалось этих страниц? Сколько копий было снято? Сколько умов прочли эти строки и тем самым дали пищу Ему?*

Он вспомнил упоминания, мелькавшие в архивах: слухи о культах в Европе девятнадцатого века; записки старообрядцев с Урала, где упоминался «серый град за дымом времени». Все эти нити вели к одному. И каждая из них — потенциальный проводник. Каждая — новая дверь.

Историк в нём должен был бы собрать их все. Изучить. Опубликовать. Дать миру знание. Но человек, сидевший теперь у этого стола, понимал: знание — это яд. А он — единственный, кто знает рецепт противоядия. Не лекарство. А забвение.

Он поднялся, подошёл к окну. Внизу, на улице, шли люди — мужчины в шляпах, женщины в летних платьях, дети с мороженым в руках. Бостон жил своей обычной жизнью, не подозревая, что между его кирпичными фасадами и гранитными тротуарами уже прорастают корни иного мира. Что в геометрии его улиц, в углах его зданий уже таится неправильность — едва уловимый изгиб, который человеческий глаз отвергает как оптический обман, но который на самом деле является трещиной в ткани реальности.

Клайден положил ладонь на холодное стекло. И в этот миг ему показалось — всего на миг — что за отражением его собственного лица, за стеклом, в глубине комнаты, стоит кто-то ещё. Высокий, расплывчатый силуэт в длинном одеянии. Но когда он моргнул — там была лишь тень от книжного шкафа.

Он отступил от окна. Подошёл к столу, взял пепельницу с пеплом дневника. Высыпал остатки в камин. За окном солнце клонилось к закату, окрашивая Бостон в золото и розовый закат. Но в кабинете Клайдена уже царил вечный сумрак — тот самый, что царил в улицах

Хр'аллакса. И в этом сумраке, среди теней, историк медленно осознал, что никогда уже не сможет смириться с тем знанием, которое открылось ему.

Он ещё не знал имени того, кто смеялся над ним из тьмы. Но он чувствовал чьё-то присутствие рядом. С этого момента он больше никогда не будет один. Кто-то — или что-то — будет идти рядом. Наблюдать. Подстрекать. Ждать момента, когда историк сам станет частью той самой памяти, которую желает уничтожить.

А за стенами кабинета, в самом сердце Бостона, в тишине между шагами прохожих и гулом трамваев, уже начали шевелиться тени. Высокие. Молчаливые. В серых балахонах. Они ждали. Их терпение было бесконечным — ведь для Города время не существовало.

Глава первая

Октябрь 1948 года пришёл в Бостон не с тихим шорохом опавших листьев, а с пронизывающим ветром, несущим с Атлантики солёную влагу и предчувствие долгой зимы. Деревья на Бостон-Коммон уже обнажили свои костлявые ветви, а небо над Копли-сквер нависло низким, свинцовым, будто готовое обрушиться на гранитные тротуары и кирпичные фасады. Именно в такой день, когда свет дня едва различим от сумерек, Артур П. Клайден впервые переступил порог Бостонской публичной библиотеки после того проклятого августа, когда дневник врача с «Левиафана» навсегда изменил его восприятие мира.

Раньше этот вход был для него святилищем. Бронзовые двери с барельефами муз — каждая деталь казалась ему гимном разуму, преодолевшему хаос веков. Он помнил, как в юности, впервые войдя сюда, ощутил благоговейный трепет: вот она, накопленная мудрость человечества, упорядоченная, доступная, вечная. Каждая книга — кирпич в храме знания; каждый фолиант — голос из прошлого, говорящий с тобой через столетия. Он верил в это с религиозной страстью историка.

Теперь же, поднимаясь по широким ступеням из розового мрамора, он чувствовал лишь леденящее отвращение. Эти стены, эти полки, эти миллионы страниц — не храм, а склад заразы. Каждая запись, каждый шёпот из прошлого — потенциальный проводник для того, что не должно иметь имени. Он остановился у входа, глядя на барельеф Афины с её спокойной улыбкой, и впервые подумал: *не глупость ли это — верить, что знание всегда спасительно?* Может быть, некоторые тайны должны оставаться нераскрытыми, некоторые двери — заколоченными навсегда?

Внутри пахло пылью веков, воском и старой кожей — запах, некогда будивший в нём восторг, теперь вызывал тошноту. Мраморный пол отражал тусклый свет высоких окон, создавая иллюзию бесконечных коридоров. В глубине зала, среди рядов зелёных абажуров над читальными столами, мерцали одинокие огоньки — люди, погружённые в свои исследования, не подозревая, что некоторые из этих страниц могут оказаться вратами в бездну.

Клайден направился в отдел редких книг и рукописей на третьем этаже. Его шаги эхом отдавались под сводами Гуаставино — кирпичными куполами, созданными без единого гвоздя, будто сама геометрия здесь подчинялась иным законам. Поднимаясь по лестнице с чугунными перилами, он заметил нечто, заставившее его замереть: в углу между стеной и потолком тень легла неправильно. Не так, как должна была бы при данном освещении. Угол был чуть острее девяноста градусов — настолько мало, что глаз отверг это как оптический обман. Но Клайден знал: это не обман. Это — трещина. Ещё одна трещинка в ткани реальности, и она уже здесь, в сердце библиотеки.

— Мистер Клайден! — окликнул его пожилой библиотекарь мистер Эллиот, вынырнув из-за стеллажа с подносом книг. — Какая неожиданность! Мы уже начали беспокоиться — вы не появлялись с августа.

Клайден кивнул, не в силах выдать привычную улыбку. Его горло сдавила невидимая рука. *Он не знает, зачем я вернулся.*

— Исследовательская работа, Эдгар, — пробормотал он, стараясь, чтобы голос звучал естественно. — Архивные изыскания. Потребовалось... отлучиться.

Он попросил доступ к каталогам, связанным с эзотерикой, мифологией неевропейских народов, средневековыми трактатами о демонологии. Эллиот, привыкший к причудам учёных, лишь кивнул и проводил его в читальный зал отдела.

Часы превратились в муку. Клайден листал фолианты, и каждый раз, встречая упоминание чего-то похожего — «Хралаша, пожирающего живое» в персидских манускриптах XV века, «города без времени» в дневниках миссионеров в Амазонии — он чувствовал, как ледя-

ные пальцы сжимают его сердце. Это были не совпадения. Это были нити одного и того же ужаса, протянувшиеся сквозь века и континенты. Город уже касался человечества — снова и снова, в разных формах, под разными именами. И каждый раз оставлял после себя безумных, исчезнувших, тех, кто «видел слишком много».

И тогда началось то, что должно было бы привести любого историка в ужас.

Он вырвал страницу из старого фолианта с записями французского миссионера XVIII века — там, среди описаний дикарей и их верований, мелькала фраза о «городе мёртвых богов, который находится по ту сторону океана и по эту сторону рассудка». Бумага хрустнула под его пальцами. Он сунул лист в карман пальто, чувствуя, как предаёт сам себя.

Затем — клякса. Толстый фолиант с переводами арабских географов. На полях рукой неведомого переписчика была нацарапана схема улиц, слишком напоминающая искажённую перспективу тех улиц, что преследовали теперь Артура в кошмарах. Клайден вылил чернила прямо на страницу, наблюдая, как чёрная жидкость пожирает символы. Его рука дрожала, но не от страха — от ярости. *Я не позволю тебе расти. Я вырву тебя из памяти мира.*

Он затёр пальцем фразу в греческом манускрипте эпохи Возрождения — «Хр'аллак, вечный голод» — пока буквы не превратились в бесформенное пятно. Каждое действие было предательством его профессии, его веры. Но с каждым разом боль становилась тупее, а решимость — острее. Он уже не был историком. Он стал хирургом, вырезающим раковую опухоль из тела истории.

И всё же, сколько бы страниц он ни уничтожил, сколько бы клякс ни поставил — он знал: это капля в океане. Библиотека была лишь одной из тысяч. А за её стенами — миллионы книг в частных собраниях, архивах, монастырях по всему миру. Он пытался вычерпать океан ложкой. И эта мысль, холодная и безжалостная, преследовала его, пока он крал древний фолиант — «Трактат о сущности демонов» анонимного монаха из Кёльнской обители, датированный 1347 годом. Книга не предназначалась для выноса. Но Клайден спрятал её под пальто, чувствуя тяжесть пергамента как приговор.

***

Вечер опустился на Бостон, как погребальный саван. Дождь лил, не переставая — мелкий, пронизывающий, превращающий улицы в реки отражённого света фонарей. Клайден шёл по Бойлстон-стрит, кутаясь в мокрый плащ, прижимая к груди украденную книгу. Трамваи проносились мимо с шипением, оставляя за собой запах мокрого асфальта и угля. Прохожие спешили под зонтами, не замечая его — человека, несущего в кармане не книгу, а приговор.

Именно тогда он услышал шёпот.

Не сбоку. Не сзади. Прямо на ухо — тёплый, интимный, будто кто-то склонился к нему в доверительной беседе.

— Ты ведь уже осознал всю тщетность своего труда?

Клайден вздрогнул, но не оглянулся. Он знал: эту тень видит только он. Молодая пара, прошедшая мимо под общим зонтом, не замедлила шага. Мужчина с газетой под мышкой не обернулся. Они не слышали. Они не видели.

— Не сдамся, — прошипел Клайден сквозь зубы, ускоряя шаг. — Не сдамся, проклятый ты...

Голос рассмеялся — тихо, почти ласково.

— Люди так примитивны. Вы не в состоянии постичь, что Город существует одновременно в вашем прошлом, настоящем и будущем. Для вас время — река. Для Него — лужа, в которую можно шагнуть с любого берега. Даже мне, древнему, приходится напрягать сознание, чтобы говорить с тобой на этом... убогом языке причин и следствий.

— Тогда зачем ты общаешься со мной?! — вырвалось у Клайдена. Он остановился под фонарём, дождь стекал по лицу, смешиваясь с холодным потом. — Исчезни! Избавь себя от моего общества!

— Мне скучно, — откровенно признался голос. — Вечность — тяжёлое бремя для того, кто вынужден наблюдать за бесконечными циклами вашего маленького ужаса. А ты... ты забавен. Ты борешься с тенью, которую сам же отбрасываешь.

Клайден рванулся вперёд, почти бегом. Он не оглядывался. Он знал: оборотись он — и увидел бы лишь пустую улицу. Но голос остался с ним, как тень, как запах гниющей плоти, ввевшийся в одежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.